

АНЕНА ЦВЕТКОВА

ЮРОДИ

ДОЧЬ ПЕКАРА

Алёна Цветкова

Юродь. Дочь пекаря

<https://litres.ru/74099714>

SelfPub; 2026

Аннотация

Все девицы только об одном и мечтают: как бы замуж быстрее выйти. И Абсей расстарался, жениха дочери такого нашел, чтоб ей в замужестве худо не пришлось. Приданое щедрое посулил — пекарню свою, на всю Варгару известную.

Озара наставления отца слушала да вздыхала тайком. Любви ей хотелось. Настоящей. Чтоб сердечко от одного взгляда на мужа в груди заходило, и жизнь семейная счастливой была.

Вой, сын князя Варгарского, о женитьбе пока и не думал. Конь у него ретивый, меч острый, служба в царской дружине непыльная. Словом незачем к венцу торопиться. Только отец его и слушать не захотел. Сосватал невесту в соседнем княжестве и велел к свадьбе готовиться.

Любовь прекрасное чувство, но иногда кажется, что лучше ее и вовсе не было бы. Ведь тогда эта история сложилась бы совсем по-другому. Не пришлось бы Озаре и Вою лицом к лицу с Тьмой столкнуться и оказаться на самом острие борьбы добра и зла.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	37
Глава 5	51
Глава 6	64
Глава 7	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Алёна Цветкова

Юродь. Дочь пекаря

Глава 1

Пекарня старого Абсея славилась пирогами на всю Вартару.

Большие круглые ватрушки со сливочно-жёлтым, щедро сдобренным желтками творогом. Поверх Абсей раскладывал засахаренные ягоды и фрукты, сиявшие будто каменья драгоценные.

Тяжёлые, сытные кулебяки с начинками, прослоёнными толстыми, ноздревато-пышными блинами. Одним куском наешься так, что завязки на штанах распускать придется.

Расстегаи, края которых будто лопались прямо в печи от распирающего нутро пирога рыбного фарша.

Высокие свадебные курники украшенные искусно вырезанными цветами и листьями... Пекарю удавалось всё.

Но особую любовь горожан сыскали небольшие мягкие булочки-витушки с медово-маковой начинкой. Сам князь Баграт, хозяин всех земель вокруг Вартары и самого города, не брезговал полакомиться сладкой сдобой из пекарни Абсея.

Дабы уважить господина, старик каждое утро самолично

доставлял выпечку князю на завтрак. Благо вставляли в княжьем тереме поздно, когда рабочий люд похлёбку к обеду стряпал.

- Озара, ты всё приготовила? - Абсей кряхтя сполз с печи.

Сорванная десять лет назад спина с каждым годом болела всё сильнее. Мази и притирания, на покупку которых Абсей не скупился, приносили временное облегчение. А сырыми осенними днями, когда дожди сыпали мелкой пылью с утра и до самого вечера, не помогали вовсе.

Никто во всём городе не догадывался: около двух лет назад место старого пекаря у печи заняла дочка, Озара. Сам Абсей ослаб и не мог вымесить тесто, не свалившись на следующий день в горячке. Подмену приходилось скрывать, дабы не смущать горожан и не отпугивать покупателей. Не женское это дело — тесто месить, да хлеба печти... И того уж слишком, что девица немужняя в лавке пирогами торгует.

- Да, батюшка, всё готово, - отозвалась Озара.

Закутала последнюю ватрушку в плотное льняное полотно, осторожно, чтоб не смялось, положила свёрток в просторную ивовую корзинку, купленную как раз для такого случая.

- Добро, - кивнул Абсей.

Кряхтя и поддерживая рукой поясницу, добрался до порога. Накинул старый, но целый и опрятный кафтан. С тоской вздохнул. До княжеского двора версты две по осеннему бездорожью. Да с больной спиной...

- Батюшка, - Озара подала отцу кушак, упавший на пол с деревянного крючка, - как же ты поедешь? Погода как разыгралась. Заболеешь не ровён час.

Абсей покачал головой. Нельзя ему хворать. Коли помрёт, так кто об Озаре позаботится? Жениха подходящего подберёт, свадьбу сыграет? Но и господина обижать негоже. Осерчает, беда будет. Скор на расправу князь. Коли что не по нутру, так сразу на плаху.

Заглянул Абсей в корзинку, проверил, чтоб Озарушка не позабыла чего. Дочка-то у него, коли с другими сравнивать, и красивая, и разумная, да по молодости одни женихи в голове. Особливо Тишка, сын портного с соседней улицы. Работящий парень, хороший, хотя и не красавец. Но с лица же воду не пить.

А Абсей и не против, чтобы сладилось у молодых. Озарушка в следующий год в возраст войдёт, поженятся.

И угораздило государя три лета назад повелеть, чтоб девки лишь с осьмнадцати лет невестились! Где видано-то такое? Кабы не указ царский, так была бы Озарушка и замужем, и с дитём на руках али под сердцем. Раньше-то дочери лет в пятнадцать свадебный наряд примеряли, а после семнадцати перезрелки в одиночестве куковали. Чуток не успела Озарка, чтоб замуж выйти. Годка не хватило...

Абсей сокрушённо вздохнул, да аккуратно пробежал пальцами по узлам. Пирог-то он и не глядя определить мог.

Ничего не забыла дочка. Всё как надо сложила в корзинку.

И кулебяку о пяти слоях с визигой и осетровыми щёчками, кашей гречневой, жареными грибочками с лучком, яйцами рублеными и пером зелёным, луковым. И большие, с тарелку, расстегаи с рыбным фаршем, ломтиками осетрины и налимьей печёнкой. И ватрушки сладкие с творогом и маслом топлёным, да поверху с яркими пятнами рубиновой вишни, сорок дней на вине настоящей. И те самые витушки медово-маковые, мелкие, чтоб на один зуб, да мягкие, как перо лебяжье. Никому в Вартаре такие не удавались... А старый князь их любил.

Тяжела ноша, а деваться некуда. Везти надо. Поднял корзину и, крикнув от натуги и боли, тонкой стрелой пронзившей всё тело от макушки до пяток, чуть на пироги княжьи не повалился. Едва на ногах устоял, глаза от напряжения выпучив.

- Батюшка, - ахнула Озара, к отцу кинулась. Корзинку из рук выхватила, а самого до лавки проводила, усадила со всем почтением. А потом бровки нахмурила, руки в бока упёрла, ни дать ни взять жена-покойница, Матренушка любимая, и заявила, - ты, батюшка, болезный нынче. Так что я сама к князю пироги повезу. А ты притираниями намажься, пояс из собачьей шерсти на спину повяжи, да на печи лежи грейся, - и так быстро на себя душегрею стёганную накинула, корзину схватила, из избы выскочила, что Абсей и слова сказать не успел.

Покачал головой Абсей... Шустрая девка. Негоже так.

Девка должна тихой, скромной да покорной быть. Отца-мать слушать и не прекословить. А не пироги на продажу печти, в лавке торговать и ещё и развозом заниматься... Нельзя помирать ему, никак нельзя. Вот как дочь за Тишку замуж отдаст, да мужа молодого заместо себя за Озаркой приглядывать оставит, так и покой вечный придет.

Мелкий, тягучий и противный дождь стучал по кожаному пологу крытого кузова. Дорогу от сырости развезло, колеса вязли в мокрой топкой глине, накручивая на обод комки грязи. Озара недовольно хмурилась, куталась в толстый шерстяной платок, прячась от осенней промозглой сырости, и подгоняла кроткую пегую лошадку Кишку(*кИшку). Старая кляча, рывком выдергивая ноги из грязи и рискуя потерять подковы, брела по узкой дороге. Когда вернутся домой, надо будет проверить копыта. Если что к кузнецу Кишку свести...

Озара нахмурилась. К кузнецу, на другую улицу, идти не хотелось. Там по соседству жил Тихомир, сын отцовского приятеля, который вбил себе в голову, что она, Озарка, невеста его будущая. И никак не отвадить парня было, очень уж отцу «жених» нравился. Только ей самой Тишка не по нраву был. Скучный он. Как заговорит, так все про ткани, фасоны и нитки... А ей хотелось чего-то большего. Особенного, волнующего... Например, пусть бы красивый и благородный воин в нее влюбился. Compliments говорил, руки целовал и в чувствах признавался. Как в книжках.

Вздыхнула... Тосклива дорога-то. Из-за дождя носа наружу высунуть нельзя, только и видишь, что клочок унылого серого неба, покрытого плесенью туч, над обвисшим от старости крупом Кишки. Да, и там, за пологом, и смотреть-то нечего. Поля вдоль дороги убраны давно. Лишь старая, пегая от сырости стерня скошенной ржи все еще топорщится, словно щетина на лице дядьки Милослава — отца Тишкиного.

Княжий терем располагался чуть в стороне от города. Когда-то и сам город был там, на горушке, но больше двух веков назад, во время войны, деревянные стены сгорели, и народ переехал на новое место, в низинку, поближе к воде. Чтоб избы от огня защитить. Но князь, вернувшись в родные земли, переселяться не захотел и построил каменную крепость прямо там, где раньше были деревянные хоромы.

Озара бросила поводья, позволяя Кишке идти так, как ей вздумается, достала из-за пазухи потрепанную книжицу и открыла страницу, заложенную соломинкой. Читала она медленно, водя пальцем по страницам и шевеля губами. То и дело попадались незнакомые слова, которые она произносила вслух по слогам, словно пробуя их на вкус. Как начинку для пирога.

Смысл каких-то слов она угадывала, находя им замену в привычном просторечии. А значение других так и оставалось загадкой. Такие слова Озара подчеркивала ногтем, надеясь, когда-нибудь узнать, что же они значат. Когда-ни-

будь... Книжку она от отца прятала. Если он узнает, что старуха, вдова солдатская, к которой дочь все детство бегала по хозяйству помогать, читать ее научила, да манерам господским, то осерчает страшно.

И то верно, ни к чему девке такая наука. Стирать, готовить, убирать умеет и ладно. А все остальное к бедам и горестям. Вот не умела бы Озара читать, не знала бы, какой настоящая любовь бывает, так и Тишка бы ей за счастье был. А что? Семья хорошая, небедная, работающая. И Тишка не бесталанный, еще в прошлом году мастерство свое в артели портняжьей подтвердил, даром что едва третий десяток разменял. За таким всю жизнь будешь спокойно жить. Как сыр в масле кататься.

Озара вздохнула и закрыла книжку... Читать не получалось. Из-за нависших черно-фиолетовых туч было слишком темно, и крючковатые буквы, цепляясь друг за друга, прятались от ее взгляда, превращаясь в незнакомые закорючки. Как-то Озара на ярмонке книжку с такими загогулинами видела. Торговец сказал, что в это ханойские глифы, коими хайноцы целые слова обозначают. И глиф тех столько, что Озаре и за неделю не сосчитать: пальцев на руках и ногах не хватит. И своих, и отцовских, и Тишкиных...

А думы-то опять на «жениха» перекинулись. Ох, и боялась Озара, что отец волей своей, за Тишку замуж ее отдаст. И не поделать же ничего. Не посмеет она отца послушаться. Так что остался ей годик всего один свободной побегать. По-

мечтать о несбыточном, о рыцаре на белом коне, который девиц в книжках от драконьего плена спасает, в уста сахарные целует. И от мечты такой сердечко Озаркино сладко замирало, а дух от смущения перехватывало...

Ну, куда уж Тишке с его нитками супротив рыцаря-то?

Княжий терем прятался высокими, сложенными из серых, гранитных блоков, стенами крепости. Снаружи они сверкали неопрятными свежими заплатами. Не далече как неделю назад князь мужиков собирал на помочь. Осень в этом году выдалась холодная, сырая, а значит пятна так и останутся видны до самой весны, пока теплое солнце не высушит всю влагу.

Уж два века прошло, как государь земли соседние захватил. И стала Варгара из пограничного городка сердцем Хорумского царства. Но княжий род все о врагах беспокоился, и крепость свою в порядке держал.

Два раза в год, по весне и по осени, всех мужиков, что на княжьей земле живут, для работ созывали. Ров почистить, глину с известью пережечь, а потом смесью этой стены внешние залатать. Чтоб ни скола не осталось, ни выемки маленькой, и вражине проклятому не подняться наверх было. Зато все мужики Варгары знали: в случае чего и для них, и для их семей найдется место, ломоть хлеба и кружка воды в крепости княжьей.

Чем ближе подъезжала Озара к глубокому рву, опоясыва-

ощему крепость, тем сильнее нависали над возком каменные стены, закрывая собой все видимое пространство и пугая своей суровой холодностью.

Как будто бы сам князь смотрит на тебя свысока.

Озарка мелкая еще была, пришел в Вартару черный мор. Она и матери своей, что в ту лихую годину померла, не запомнила. А вот взгляд князя, когда он город объезжал да в каждый дом заглядывал, в память дитячью намертво впечатался. Холодный, серый, под кустистыми бровями... Высокий... Страшный... Точь-в-точь, как стены эти.

- Озарка, ты что ль? - удивленный голос дядьки Добромира заставил вздрогнуть. Отмерла Озара, на сродственника дальнего пустыми глазами взглянула. Кивнула. - А где батька-то? Почто сам не приехал?

- Спину заломило, холодно же, сыро. У печи сегодня наработался уж, надорвался, - привычно соврала она и прокашлялась, погоняя хрипоту.

- Добро, - кивнул дядька Добромир и махнул рукой дорогу указывая, - сюда поезжай. Возле кухни погоди, как выйдут к тебе. Сама с возка ни ногой. Поняла? У нас здесь парни лихие, как набегут, рожки да ножки от тебя останутся.

И вроде же пошутил, да сердечко Озакрино с испугу застучало. Зябко стало. А то и, правда, набегут? Кивнула она дядьке. Мол, поняла, что же не понять-то. Плечами дернула, жуть прогоняя:

- Н-но, - вожжами лошадь хлестнула. И голос-то пискля-

вый вышел. Будто комар голодный под ухом зазвенит.

А как во двор заехали, так и застыла рот открыв...

От ворот сразу две дороги вели. Одна широкая, каменная, словно продолжение моста через ров перекинутого. Вторая узкая, едва возок протиснется, и такая же грязная, как у них в городе.

Широкая дорога у крыльца высокого заканчивалась. И на ступеньках-то сам князь стоял... Уж как Озара его издалека углядела, неведомо. А вот уверена была, что князь это, а не воин какой. Даже кафтан черный золотом по обшлагоу вышитый, усмотреть успела, бороду седую, да глаза те самые... серые, холодные...

И так жутко было в крепость ехать по первому разу, а тут еще и дядька Добромир пугалку рассказал, и самого князя встретила. Замерла Озарка с вожжами в руках. Совсем забыла куда править надобно. Глазеньки выпучила на князя. Не оторваться.

Лошадь хоть скотина и глупая, а работу свою знала. Сама по узкой дорожке пошла на задворки. Для Кишки-то работа привычная. Она получше хозяйки знает, что делать надо. Довезла возок аккуратно до кухни и встала как вкопанная.

А как сам старый князь с глаз пропал, так отпустило Озару. Задышала девица, расслабилась. Не заметил князь, что вместо Абсея девка приехала. Не осерчал.

Озара-то наставления дядьки Добромира чутка запомнила. Потому и высовываться не стала. Застыла внутри без дви-

жения, чтоб парни лихие девку в возке не заметили. Может и зря дядька на парней наговаривал, да только что-то проверять охоты не было. Лучше подождать, как велено. Небось, и правда, стряпуха сама за пирогами придет. Ох, и страшно! А вдруг еще и князю кто нажалуется, что Абсей самолично не явился, князя не уважил? Может и не будет ничего, а все равно боязно.

Сидела она, ждала, да только никто так и не появился, корзину со сдобой не забрал. Уж забеспокоилась. И только хотела из возка выглянуть, как голоса рядом послышались. Мужские. Веселые. И все ближе и ближе подходят. Даже дождь с новой силой по положу прыснувший, шаги уже не заглушил, не спрятал.

- Эй, Вой, глянь, - крикнул кто-то, - Абсей пирогов привез. Погодь, заберу...

Шум шагов стал громче и в возок к насмерть перепуганной Озаре заглянул парень. Веселый, рыжий и мокрый, как пес Тишкин, волосья ко лбу прилипли, а на лице веснушки, будто крошки хлебные на щеки просыпались. Как Озару увидел, так еще шире в улыбке расплылся:

- О-о-о! - заорал радостно, - Вой, глянь-ка, кто тут у нас!

Озарка с испугу-то вся сжалась. Вылупилась на рыжего не моргая, слова сказать не может.

- Рыж, - захохотал второй, - неужто так перепил, что Абсея не признал?!

И снова грязь под ногами захлюпала, выдавая приближе-

ние еще одного парня. И сразу же, сбоку, с другой стороны, над Кишкиным крупом, загоразивая плесневелое небо, появилась еще одна голова. Серые глаза, спокойные, уверенные... Такие знакомые, аж дыхание сперло.

- Хм, - хмыкнул княжич, - и вправду, красавица. Как звать тебя, девица?

Глава 2

Девушка, сидевшая в возке на самом деле были премиленькая. Глазищи синие, ресницы, как опахала, что отцу купцы заморские поднесли в подарок. Губы пухлые, сладкие... Так и хочется лизнуть их, как сахарную голову, в детстве.

Парень быстро пробежал по ей взглядом. Абсей бедняком не был, и дочь свою не обижал. И душегрея на ней новая, с вышивкой, не у всякой горожанки такая есть; и сапожок, что из под юбки вокруг раскинутой, слегка выглядывал, ношенный, но совсем не старый; и платок яркий, на деревенский манер повязанный, еще цвет под дождем и снегом не потерял. А из-под платка прядь волос светло-русых выбилась. Спиралькой завилась и торчит... как дымок в зимнюю ночь.

Вой улыбнулся... Кажется, они с Рыжем напугали девчонку. Онемела, сидит опахалами машет, а на щеках пятна розовые все ярче и ярче становятся. Сейчас бы ладони холодные приложить, чтоб успокоить. Вой мгновенно ощутил гибкое тело в своих руках. Аж самого жар опалил.

- Чего молчишь? - хохотнул Рыж, чувствительно приложив замершего княжича локтем в бочину. - Отвечай, коли сам княжич с тобой разговаривает!

Ох, и зря Рыж это сказал. Девка вспыхнула как маков цвет, голову опустила, ладошку вскинула, рукавом прикры-

лась. Теперь от нее точно ни слова не добьешься. Вой усмехнулся. Надо же какая у Абсея дочь недотрога. В груди влажно забухало сердце, сгоняя кровь вниз. Не то, чтоб Вой хотел развлечься. Но не пропадать же добру? Раз уж отец настоял, чтоб сын в родном доме погостил. Как раз хватит времени за девкой приударить. Этой простушке много ли надо? Не княжна же, а всего лишь дочь пекаря.

- Не бойся, девица, - мягко улыбнулся он. Рыж сразу все понял, громко хохотнул, еще раз ткнул локтем и свалил с корзинкой печева, оставляя их наедине. - Я тебя не обижу. Меня Вой звать. Княжич я. А тебя как величают?

Девица руку слегка опустила, взглянула на него несмело. Ни дать ни взять бельчонок испуганный.

- Озара, - прошептала. Так тихо, что и не услышал он.

- Как? - переспросил.

- Озара, - повторила она тоненько. Точь-в-точь колокольчик махонький зазвенел. - Я пекаря Абсея дочь.

- Красивое у тебя имя, Озара, - Вой кивнул, да на лошадиный круп оперся.

Устал. Сегодня воевода отцовский их с Рыжем по полю волю погонял, проверяя, как молодая поросль науку воинскую усвоила. А то в царском войске фамилию опозорят. И невдомек воеводе, что во дворце царском служба совсем другая. Никто там на мечях не бьется, копыя на скаку не кидает. Главное выправка и бляха до блеска начищенная.

Хорошо хоть дождь с утра... Иначе как после бани бы рас-

парило его. Вся морда красная была бы. Как девицу с таким лицом охмурять?

Вой провел ладонью по волосам, чувствуя, как холодная вода, потекла за шиворот насквозь мокрой рубахи. Повел плечами... Проклятый дождь!

- И сама ты, Озарушка, красивая, - улыбнулся как можно шире Вой, зубы белый и ровные показывая, - приедешь завтра, привезешь мне пирог с зайчатиной? Очень уж они отцу твоему удаются... А если из твоих рук пирог получу, так все сам съем, ни с кем не поделюсь.

Девушка кинула на нехитрый комплимент. Опустила руку и несмело улыбнулась. И эта улыбка вспыхнула в ее глубоких, как дно колодца, глазах, как солнце, согревая Вой. Слово не осенняя хмарь вокруг, а пекло летнее.

- Привезу, - кивнула. И нахмурилась, - батюшка болен. Не встает почти.

И прежде чем Вой успел сообразить что сказать, само собой вырвалось:

- Может помочь чем? Хочешь вештицу к нему отправлю? Зазвенел колокольчик весело и задорно.

Смеялась Озара как-то по-особенному. Никогда Вой не видел, чтоб девицам так смех к лицу был. Залюбовался невольно. Да, и она словно невзначай на Вой поглядывала. И щечки ее при этом все розовее становились. Будто яблочки на дереве созревали.

- Нет, не надо. Боюсь, батюшку моего удар хватит, коли

вештица княжья его лечить придет, - прыснула смехом, ладошкой прикрываясь.

Вой расхохотался. А девица не смотри, что скромница, а на язычок острая.

- Тогда пусть вештица над моим отцом колдовство творит, - улыбнулся он, - а ты завтра приезжай. Я сам тебя встречу, чтоб никто мой пирог с зайчатинной не забрал...

Он подмигнул ей, получив в ответ смущенную улыбку и опущенный взгляд.

Домой Озара летела, как на крыльях. А все потому, что улыбка княжича, как солнце весь мир для нее освещала. Дождь света его испугался, да исчез, как ни бывало. И даже хмурая осень стала вдруг совсем другой: красивой, позолотой лесов по горизонту украшенной. Будто вышивка по краю рубахи. И плесень с неба куда-то делась. И теперь оттуда, сверху, глядели на Озару серые глаза Воя. Добрые, ласковые, и такие теплые, что душегрею распахнула, чтоб не сопреть. Но все равно жарко в груди было. Озарка воздух ртом хватала, глубоко дыша, чтоб жар нутряной выгнать. И то не помогало. Будто воздух осенний, сыростью и грибами пропахший, до нутра не доходил. Никак надышаться не могла.

И так уж свербело в одном месте поделиться с кем-нибудь встречей негаданной, что Озара решила Всеславу навестить, подружку закадычную. Когда-то рядом они жили, по-соседству. Все детство вместе: и в огород, и в луга по гри-

бы-ягоды, и на речку белье полоскать. Бывало и обед готовили вместе, а потом Озарка щи, да кашу в чугунок складывала и тайком на кухню тащила. Вроде как дома стоговила.

Но три года назад Всеслава замуж вышла. Она-то старше на год, как раз успела до царского указа. И в семью к мужу своему переехала. Далекое, на другой конец Варгары. С той поры подружки редко виделись. Абсей совсем плох стал, и Озара с раннего утра в пекарне занята, а у Всеславы заботы другие, семейные. Свекрови угоди, свекру на глаза не попадайся лишней раз, мужу не прекословь... А потом, как дочка родилась, так и вовсе не до бесед стало. Крутилась Всеслава, как белка в колесе с утра раннего до позднего вечера.

Как в город вошли, Кишка хотела было домой рвануть, но Озара вожжи натянула, да заставила лошадку с пути привычного свернуть. Подъехала к дому свекра Всеславиного, повод на столбик у ворот накинута, в сени вбежала.

- Всеслава! - закричала с порога, - Всеслава!

- Да, что ты орешь, оглашенная, дите разбудишь, - из теплой темноты избы зашипела на Озарку злобная змеюка-свекровушка. Ох, и доставалось от нее Всеславушке. Не раз она подружке тайком жаловалась, что карга старая проходу невестке не дает. Во все огрехи случайные тычет так, будто небо на землю упадет от блина сожженного, или пирога пригорелого. - В конюшне она, скотину обихаживает. У нас надясь первотелка на вилы напоролась, пронесло, не подохла. Ток теперь не встает. А все Всеславка твоя! Навоз убра-

ла, а вилы бросила...

Старуха еще что-то бормотала, обвиняя нерадивую невестку, но Озарка ее уже не слушала, в конюшню рванула. Так даже лучше. Без лишних ушей можно будет новостью радостной поделиться. Губы невольно расплылись в широкой улыбке. А с неба опять княжич на нее взглянул. Ох, и заколотилось сердечко-то!

Озарка быстрее в темноту конюшни нырнула, чтоб от самой себя смущение, на щеках полыхнувшее, спрятать. Потому и задержалась, не стала Всеславу звать. А потом странное услышала... Вроде пыхтит кто... И стонет... Не сразу догадалась, Озара, что происходит, а как поняла, так пуще ветра из конюшни выскочила. Ох, и стыдобушка-то! Еще не хватало за супружескими делами подглядывать. Пусть и нечаянно.

- Ты чего, Озарка, тут делаешь? - у конюшни встретил ее хмурый Ратко, муж Всеславы. - Почто опять пришла Всеславку мою от работы отвлекать. Матушка жалуется, ты на жену мою плохо влияешь. Где ж видано-то девка семнадцати лет все немужняя бегаёт.

Помертвела Озарка. Застыла, в ужасе на Ратко глядя. Ведь ежели он тут, то с кем там подруга, на сеновале?

- Чего вылупилась? Все глазья проглядишь, - буркнул он недовольно и заорал, - Всеславка! Подь сюды, дурында! Живо давай, а то вожжами по спине получишь!

Зашебуршала позади солома у порога бестолково рассыпанная, выскочила Всеславка, на ходу фартук поправляя, да

на супружника своего накинута, звонко заголосила, руки в бока уперев и пузо беременное вперед выставив:

- Чего орешь, как прокаженный! Тут я! Все утро возле первотелки сижу, как мать твоя велела! Ишь, разорался, вожжами грозит... Сперва сам скажи, где с вечера шляется? Думаешь, не знаю, что домой с петухами вернулся?

Словно не видела, что Озара тут стоит и все слышит.

Такого оскорбления Ратко стерпеть не смог. С кулаками на жену кинулся, Озарку в сторону оттолкнув, так, что она на дорожке размокшей поскользнулась, да об стену конюшни ударилась. Завизжала Всеслава, заголосила, слезами заливаясь стала. Да все одно, поколотил ее муженек, от души кулаки об тело женкино почесал, на землю сырую да грязную уронил, пнул пару раз, сплюнул и, перешагнув, через супружницу в дом ушел.

- Всеслава, - кинула Озара к подруге, помогая поднять, - а, что ж такое деется-то?! Да, как он может руку на тебя поднимать, коли ты опять дитя его под сердцем носишь?! Не по-людски это!

Всеслава, тяжело поднялась на ног. Ее шатало. Грязная понева сбилась комом, белоснежный фартук покрылся серо-черно-красными пятнами. Из разбитой губы крупными каплями бежала кровь. Озара в ужасе уставилась на опухшее лицо подруги. Оба глаза Всеславы были подбиты. Один светился фиолетово-черным, а второй — отливал желтизной.

- Всеслава, - прошептала Озара, не в силах вымолвить ни

слова.

- Что встали посреди прохода, - недовольный голос, раздавшийся из темноты конюшни заставил вздрогнуть. Не потому, что Озара испугалась. А потому что узнала. Не чужой человек в конюшне над Всеславой пыхтел. А свекор ее, дядка Лихо. Тяжелый, грузный мужик, с длинными косматыми бровями, за которыми и глаз не было видно. Против него Всеславка что воробышек...

Ни слова подруженька не сказала, только глазами в землю уткнулась и посторонилась, пропуская хозяина дома. А как он прошел мимо, в темноту отступила, Озарку за подол ухватив, и разрыдалась горько, присев на солому свежую у полога рассыпанную. Крепкую, хрусткую... Подстелил соломки-то дядька Лихо, мрачно подумала Озара. Предусмотрительный.

- Мочи моей нет, Озарушка, - рыдала Всеслава. - Каждый день только и молюсь, чтобы мучения мои закончились. Ратко мой до вдовы соседской ходить стал, еще когда я дочку под сердцем носила. Кровила я, знахарка велела беречься, отдельно спать. А Ратко с той поры так и бегаёт к Летёхе каждую ночь. А батько евоный проходу мне не даёт. Поначалу облапывал только, как я ни билася, потом снасильничал, да молчать велел. Позору ведь не оберешься, на весь свет меня гулящей ославят. Свекровушка моя как узнала, так за косы меня оттаскала, чуть жива осталась. И изводить принялась. А надьсь и Ратко застукал, как батька его под юбку мою за-

лез. Побил так, что чуть встала я. Потому и нарочно дразнила. Пусть лучше за то, что сор из избы выношу бьет, чем за то, что с батюшкой опять споймает. Не выдержу я еще раз-то....

Озара и сама вместе с Всеславой плакала. Сидела рядом, причитая жалостливые слушала, да слеза горькие подолом утирала.

- Устала я, Озарка, - вдруг выдохнула Всеслава. - Коль не помру как рожать буду, так пойду в омут топиться. Щас бы пошла, да дитя невинное на смерть обрекать не хочу. Пусть живет. Глядишь судьба его счастливее моей будет...

- Всеслава, - выдохнула Озара. Хотела было сказать, что не надо так... негоже... Подняла взгляд на подругу, да так и застыла. Страшная сделалась Всеславка. Будто мертвая уже. Кожа бледная, пылью серой присыпанная, глаза подбитые, на губе кровь запеклась, волосья из-под повойника выбились, да вокруг головы впустились, словно космы вештинские. И смотрит так... жутко... Озарка только однажды такой взгляд видела, когда с караваном купеческим в их город юродь пришел... Не живой взгляд. Потусторонний.

И вдруг вздрогнула Всеслава. Быстро, резко дернулась, схватила руками грязью и кровью перепачканными Озаркины запястья, зенки вытарщила и зашипела свистящим шепотом:

- Не ходи замуж, Озарка! Иначе как я мучиться будешь! Беги, Озарка! От всех мужиков беги! Доля женская, доля горькая. Захлебнешься в омуте черном! Сгинешь...

Завизжала Озарка, вырвалась, да из конюшни, не оглядываясь, сбегла. Сама не помнила, как в возок запрыгнула, Кишку стегнула, и повалилась в солому, за голову схватившись. Так забыть хотелось, как юродь, что раньше подруженькой была, ей напрочила.

Только когда во двор пекарни заехала, опомнилась. Огляделась вокруг, да разрыдалась, на руки свои мелко дрожащие глядя. От хвата Всеславиного синяки на запястьях черные наливались. И снова шепот страшный услышала:

- Не ходи замуж, Озарка! Беги, Озарка! Захлебнешься в омуте черном! Сгинешь...

Глава 3

- Озарка? - окликнул ее отец, за столбик резной на крыльце держась, чтоб не упасть. Кое-как до крыльца добрел. Где за стеночки держался, где на четвереньках полз. Устал, будто целый день у печи в пекарне простоял. Очень уж за дочку испугался. Слышал, как ворота заскрипели, да, Кишка заржала, радуясь, что домой вернулась. А дочка все в избе не появилась. И сердце родительское не на месте. Чует что-то. Тревожится.

- Батюшка! - отмерла Озарушка и глазами полными слез на отца взглянула. Кинулась к нему, обхватила за шею и заревела пуше прежнего.

У Абсея сердце так и захолонуло... Неужто беда с дочкой какая приключилась?! Неужто обидел кто?! Ведь знал же, нельзя девку одну со двора отпускать. Сам дурак, понадеялся незнамо на что.

- Озарушка, - дрожащей рукой провел Абсей по платку, притягивая дочку, - неужто обидел тебя кто? - спросил, а у самого ноги подкосились. А то ответит, что обидел? Что делать-то? И тут же решил. К князю пойдет челом бить, справедливость искать. За Озаркину обиду с любого спросит. Пусть князь суд вершит, и своей рукой обидчиков карает, коли посчитает нужным. Али его за навет сгнобит.

- Батюшка, - всхлипнула дочка, а сама все сильнее носом

захлюпала. - я к Всеславке заехала, - поведала дочь нехитрую историю и разревелась пуще прежнего, - юродь она, батюшка! И судьбу мне горькую напрочила, проклятая!

Вздыхнул Абсей. Озарку крепче обнял, да зашептал, как в детстве. Словно снова она, девчушкой малой, на коленях его сидит, да на обиду жалуется...

- Не плачь, Озарушка, почудилось тебе. Не юродь Всеславка твоя, а баба дурная да бестолковая. Коли сама таскунья, так неча на людей пенять. Коли сучка не всочет, кобель не вскочит. Неча было задом перед Лихом вертеть. А что до семейки евоной, так знал Горазд за кого дочку отдавал. Польстился на богатства, думал, Всеславка в шелках и бархате ходить будет. А на шелка и бархаты, Озарушка, ох, как робить надо. Всеславке бы с рассветом вставать, чтоб хозяйшке-матушке угодить, да не лениться и по сеновалам не шастать. И глядишь наладилось бы все. И Ратко добрым мужем стал бы. И свекровушка на невестку глядя радовалась бы... А коли сама дура, так и неча на людей пенять.

Говорил Абсей, говорил, по голове в платке цветастом поглаживал. Дочка сама платочек-то на прошлой ярмонке такой выбрала, дороговато, но Абсей не отказал. Купил. Пушная дочка радуется. А тем временем Озарка в его руках успокаивалась.

Ох, уж девка молодая и глупая. Замуж бы ей, так все мысли дурные бы вымело. А там детки бы пошли. Дети-то для любой бабы первая радость. Угораздило же царя-батюшку

указ вредный принять. Не иначе вороги царства Хорумского нашептали. Вздохнул Абсей.

Спохватился, негоже про царя дурное думать. Повинился. Царь-батюшка, и князь не зря над простым людом сверху поставлены. Коли решили, что надо так, значит так тому и быть. Через год свадьбу сыграют. Они-то с Милославом сговорились уже. Только молодым не сказали. Неча им знать раньше времени. А то как глупости наделают. Стыда не обреешься, коли девка порченной взамуж пойдет. Даже если сам жених ее и попортил.

- Пойдем, Озурашка, в избу, - вздохнул Абсей. Дочка совсем уже успокоилась, на груди отцовской пригрелась. Все страхи свои забыла. - А то озяб я...

И правда озяб, выскочил-то в одной рубахе. Не до того было, чтоб одежду натягивать. Зато спину отпустило вроде. Ушла боль, как ни бывало.

Отстранилась Озарушка, глазки опухшие вытерла, и улыбнулась светло, что у Абсея, как всегда сердце зашлось. Очень уж дочка на Матренушку-покойницу похожа стала, на жену единственную и любимую. Сколько не предлагали Абсею жениться, не смог. Не хотел, чтоб Озарушка с мачехой росла, коли с матерью не довелось...

- Пойдем, батюшка, - потянула Озара отца в избу. Да не тут-то было... Так и не смог Абсей с места двинуться. А все спина проклятая. Колом встала, ни согнуться, ни ногой двинуть. Пришлось соседей на помощь звать, чтоб Абсея в избу

занесли, да на лавку уложили. А Озарка весь вечер над отцом хлопотала. Спину жгучей мазью мазала, травы запаренные прикладывала... Да все одно... Так и не поднялся Абсей. Ни на завтра, ни через неделю...

Пришлось Озарке самой и в доме, и в пекарне хозяйничать. Смотрел Абсей, лежа на лавке, как ловко дочка со всем управляется и радовался. Хорошая девка выросла. Не чета Всеславке бестолковой. Уж с Озарушкой-то такая беда не случится, и сама хозяйственная, и мужа ей Абсей со всем старанием подобрал.

Всю ночь Озарке юродь снился, будто снова она на той самой ярмонке весенней оказалась. И возки купеческие полукругом в поле за Вартаром встали. Бабы тогда ругались, что место негоднее выбрали, в самые ягодники вперлись, весь цвет вытоптали. Хотя сами столь кругов вокруг возков наматывали, что неясно было, чьи ноги-то больше полуницы сгубили: купеческие али вартаровские.

Отец, как всегда на ярмонке, на шею короб повесил, пироги да булки сложил, и целыми днями по полю кружил, продавал печево. Озарка помогала, как могла, но много ли помощи от дитя малолетнего. Сбегает до дому, кваску крынку принесет, чтоб горло смочить, и то хлеб.

Вот и носилась Озарка с подружкой своей Всеславкой по ярманке. Во все возки по сто раз заглядывали. Купцы-то знали, девки они любопытные, да худого не учинят. Не гнали,

позволяли глазеть на товары, только велели руками не трогать, чтоб не замарать. Ох, уж они тогда с Всеславкой шеи тянули. Бабка Всеславкина, что за ними присматривала, смеялась, мол, как у гуся шея станет-то, и кто же тогда вас таких длинношеих замуж возьмет.

И уж когда к последнему возку подошли, увидели юродь... сидел он прямо на земле, чуть в стороне от возка, где не ходил никто, среди высокой травы, которая скрывала его от глаз людских. Худой, грязный, страшный... На плечах рубаха рваная, чуть держится. Дыр-то на ней больше, чем целого. Все ребра видать. Крупные такие, широкие... Как у свиньи, когда ей нутро вскроют. Волосы кудлатые, белые будто у старика столетнего, а у самого ни одной морщинки нет. Лицо гладкое, молодое... и бородка тощая, прозрачная. Трава над ним колосится-колышется. Так и кажется, будто спрятать хочет, людям добрым жуть не показывать. Только силушки у земли-матушки на такое не хватает. Вот и машет людям, мол, уходите... неча здесь глядеть.

Озарка-то, как увидела юродь, так завизжала что есть мочи. И сбегла бы, да только ноги отнялись и подломились. Упала в траву, ни жива ни мертва, да сомлела от ужаса. Только и успела увидеть, как юродь на крики ее голову повернул. Взглянул равнодушно глазами белесыми, как тряпка линялая.

Всеславка рассказывала, что на крик батюшка примчался, короб свой с шеи потерявши. На руки поднял, да домой

унес. Там Озара в себя и пришла. Сказывали потом, мол, девчонке голову напекло. И юроди никакого на ярмонке не было. Запритчилось от жары.

Только Всеславка потом тайком призналась, что тоже юродь видела. Как Озарка закричала да батюшка ее при- бег, так он поднялся и в овражек, что чуть позади полянки, ушел...

Долго Озара в то лето в себя приходила. Спать не могла. Чуть глаза закроет, так снова юродь в траве сидит тряпками линиялыми на нее смотрит. От страха и голос пропал. Ни словечка не вымолвить было. Только и могла, что криком кри- чать, от ужаса.

Батюшка за помочью к Олесе-знахарке ходил. Она и трав- ками Озарку отпаивала, и дурманами окуривала. Ничего не помогало. Ссохлась девчонка, худая стала, будто скелет. Лю- ди-то уже на соседа-пекаря с сочувствием поглядывать ста- ли, мол, помрет девка. Шептались, мол и, вправду, видать юродь был...

А потом все закончилось. Очнулась вечером Озарка от забытья и у батюшки пирогов с требухой попросила. Пирог съела, молоком запила, и заснула спокойным сном. Не тер- зала ее больше хворь неведомая.

Уж потом, как подросла, Озарка узнала, что батюшка сно- ва в крепость княжью ходил. К вештице. Всех овец свел, чтоб полегчало дочери-то.

Проснулась Озарка чуть вторые петухи прокричали. Те-

мень вокруг непроглядная. В избе зябко. И голова, будто горшок с кашей. Тяжелая, чуть наклонишь, того гляди али каша выплеснется, али горшок упадет и по земле покатится, Ежели бы не пора тесто ставить на пироги, та и не встала бы.

А сейчас пришлось. Свечу запалила, оделась, в сени вышла, водой ледяной из ведра в лицо плеснула, чтоб проснуться. Батюшка на лавке заворочался, подняться попытался, да не смог. Обратно упал.

- Я сама, батюшка, управлюсь, - улыбнулась Озарка, хотя радостно ей вовсе не было. И спать хотелось. И плакать. - Ты лежи...

- Ох, Озарушка, радость ты моя, - вздохнул отец, - видела бы Матренушка, какая дочь у нее выросла. Коли что, зови. Я уж как-нибудь пришкандыбаю, помогу.

Тут уж Озарка по настоящему рассмеялась. Представила, как батюшка с кривой спиной пироги лепить будет. И от смеха отпустило ее. Сразу легче стало. Вспомнила Озарка про заказ важный. От княжича.

- Батюшка, а у нас зайчатина-то есть? Вчерась княже велел пирога с зайчиатиной испечти...

- Княже?! - ахнул батюшка. - Неужто сам?

- Ага, - кивнула Озарка. И призналась. - Страшный он. Испужалась я.

А то, что не сам княже то был, а княжич, и не страшный он вовсе, а, наоборот, добрый да ласковый смолчала. Знала, что батюшке такое не понравится.

- За зайчатиной к дядьке Милославу сбегай, - велел ба-
тюшка. - Вчерась Тишка на охоту ходил. Небось зайца спой-
мал...

К третьим петухам, когда весь город просыпаться стал, Озарка уже тесто завела, печь протопила, гречи с пшеном намыла и в печи малой запарила, требуху, что со вчерашне-го дня в хладнике дожидалась, начистила и нажарила... За суетой и страхи ночные куда-то пропали. Хорошо в пекарне батюшкиной, тепло, уютно, печевом пахнет. Дух этот даже даже летом при открытых настежь дверях держится. А уже сейчас, когда только волоковыми окнами проветривали, то и вовсе аромат пирогов ложкой черпать можно было.

А как петухи пропели, так бросила все Озарка, душегрею накинула, да к дядьке Милославу побегла. Все боялась, вдруг Тишка вчерась зайца не добыл? Тогда придется по соседям искать зайчатину. Не могла же она княжий заказ не исполнить. А что не князь просил, а княжич, вроде и запомятовала. Иначе жарко становилось в груди, будто у печи растопленной стоишь.

- Дядька Милослав, дядька Милослав. - застучала в дверь портновской мастерской. Это у них двор на окраине стоял, места много, а у приятеля батюшкиного дом ближе к центру. Вот и пришлось вторым этажом горницу строить, прямо над лавкой. - Дядька Милослав! - заорала-заколотила Озарка. Забыла, что портной не пекарь, ему в такую тьму непро-

глядную шить, глаза портить. Потому, когда год к закату клонится, и встают они позже, и ложатся раньше. Зато летом почти без сна работают.

- Чего орешь, как оглашенная? С дядькой Абсеем случилось что? - всколоченный после сна и напуганный криком Озарки, Тишка выскочил на крыльцо в одних портках нательных.

- Ой, - пискнула Озарка, да глаза рукавом прикрыла. Срамно же на такое смотреть-то. И только потом ответила, чувствуя, как краска стыда лицо заливает, - все хорошо с батюшкой. Княже пирог с зайчатинной заказал. Вот батюшка меня и отправил, поспрашать. Вчерась, говорят, ты на охоте был. Споймал али нет зайца-то?

- Споймал, - зевнул Тишка, бороденку свою почесывая. Коротенькая она у него, жиденькая, и оспины, что щеки побили по молодости, не прячет. - Подожди туточки, принесу.

И только когда дверь за Тишкой закрылась, опустила Озарка руку, лицо открывая. Вроде не видела ничего. Да только из памяти разве вытрясешь такое? Голова же не мешок рогожный, чтоб пыль мучную выбить, вытряхнуть.

- Держи, - Тишка протянул ей огромного ушастого зайца с остекленевшими глазами, - сама разделаешь-то?

- Разделаю, - кивнула Озарка. Тишка пока за зайцем ходил успел штаны надеть и рубаху накинуть, - шкурку тебе принесу.

Взяла зайца. Тяжелый. И князю на пирог хватит, и самим

на кашу останется. Батюшка тоже зайчатину-то уважал... И когда только Тишка все успевает? И шить-кроить на зависть мастерам опытным, и в яры бегать, на разную мелкую живность силки ставить?

- Не надо, - тряхнул головой он и снова, широко разевая рот и показывая зубы чернью побитые, зевнул, - шкура дрянная, не полинял еще. Так что оставь себе на стельки. А то сапожки у тебя, смотрю зябкие...

- Зябкие, - улыбнулась Озарка и не могла не спросить, - а как узнал-то?

Тишка почесал затылок, вроде раздумывая что ответить, а потом сказал:

- Ежели теплые были бы сапожки-то, не стояла б ты, Озарка, ногами на месте перебирая и плечами дергая.

Рассмеялась Озарка. И ведь правда. Сама не замечала, как от холода на цыпочках пританцовывала. Утром-то морозец жажнул, вся пожелтевшая трава под заборами инеем взялась, словно пылью сахарной, лужи хрупким белым льдом покрылись, как глазурью, и льдинки под ногами, будто крошки сахарные, хрустели.

- Спасибо за зайца, Тишка, - сверкнула глазами благодарно, перехватила зайца поудобнее, чтоб кровь, что на носу крупными каплями застыла, душегрею-то не испачкала, и домой рванула. Дел-то еще невпроворот. До того, как мастеровые проснутся, надо пирогов свежих на перекус напечти. А потом в княжий терем ехать...

Бежала Озарка и не видела, как Тишка, оперевшись об косяк дверной, стоял да вслед ей смотрел. Улыбался. Светло так, ясно. И даже бороденка тощая и щеки оспинами побитые не так уж в глаза и бросались.

Вздохнул Тишка. Эх, ежели бы не царский указ... Но ничего, еще годик подождать осталось, и войдет Озара хозяйкой в их дом. Он-то ее с детства почитай знает. И в душу ему она давно запала.

Глава 4

До княжьей крепости Озарка добралась, как вчера, к полудню.

Сложила пироги в корзину, а с зайчиной сверху пристроила. Ох, и расстаралась она для княжича-то... Пирог так украсила, что и на царский стол такой подать не стыдно. Тут тебе и деревья с листьями резными, и цветы диковинные, и даже морда заячья из-за витого края торчит с ушами длинными, носом-пуговкой и глазом из сухой черемухи.

Душегрею новую из сундука достала. Теплую, зимнюю, из овчины пошитую, а по краю белым мехом заячьим отделанную. Тишка шкурки выделывал, мягкие, ворс длинный, густой...

- Озарка, - батюшка хоть и на лавке без движения лежал, а за порядком в избе следил. И успел углядеть, как дочка прихорашивается, - не рановато ли ты душегрею обновляешь? Спаришься же... И дождь меха помочит, спортит.

- Мерзну, батюшка, - отозвалась она, даже себе признать-ся тяжело, что княжичу понравится хочется, а уж батюшке тем более. - Привыкла у печи в жаре-то, зябну теперь.

Только и вздохнул батюшка тяжело. Вину свою перед Озаркой чувствовал. Все же хозяйство на девку свалил, пока сам на лавке, прохлаждается. Решил, как дочка уедет, так потихоньку встать. Расходиться надо, а то так и будешь в лежку

лежать.

А Озара поверх душегреи новой еще и платок пуховый накинула. Белый, легкий, как облако. Купец-то, что ей платок продал, говорил, что она нем на княжну похожа. Верила ему Озара... Он-то, купец, поди, князьев и их дочерей навидался. Считай все Хорумское царство объехал.

Ох, и стучало сердечко Озаркино, когда за ворота выехала. И крепость княжья не пугала больше, а манила. Так уж хотелось Озарке побыстрее доехать, то и дело Кишку подгоняла. А лошадь вредная нарочно медленно ногами перебирала. И спотыкалась то и дело, будто пакость какую решила устроить, хотя против вчерашнего погода сегодня выдалась теплая. Солнышко с самого утра светило, даже лужи и грязь подсыхать стали. А Озарка в одежке зимней сопрела так, что вся спина мокрая стала. Уже и платочек с плеч скинула, и душегрею распахнула, а все одно — жарко.

- Н-но, Кишка! - стегнула Озарка лошадку, - пропастина окаянная! Зачем только кормим тебя. Вот скажу батюшке, чтоб на скотобойню тебя сдал! А взамен хорошую лошадь купим. Молодую и резвую!

Но Кишка, крупно вздрагивая всем телом от удара вожжами, чуть ускорялась, тяжело подбрасывая круп на каждом шаге, но запала хватало не надолго, и она снова, недовольно всхрапывая и тряся головой, еле брела по грязной дороге...

Пока доехали до ворот крепости, Озарка уж много раз готова была схватить корзинку и бежать сама. И то быстрее бы

получилось. Останавливало только то, что сапожки испачкала бы...

- Здорово, Озарка, - хмурый дядька Добромир снова, как вчера стоял на воротах, - опять сама? Не встал батька-то?

- Здрасти, - кивнула она и вздохнула тяжело, - не встал. Совсем плох, ноги отнялись, ни шагу ступить не может...

- Зайду я к вам вечером, - мотнул головой дядька и добавил, - проведу брата. Ты смотри, Озарка, за батькой-то, он же заради тебя столь лет мучается...

Непонятное сказал дядька Добромир, да только Озарка уж от нетерпения и не слушала. Страсть, как хотелось поскорее в крепость попасть, княжича увидеть, и пирог с зайчатинной лично в руки передать. Чтоб, как обещал, сам съел и ни с кем не поделился.

- Поеду я, дядька, - дернула вожжами Кишку с места трогая, - быстрее пироги отдам, быстрее домой вернусь. Мне по хозяйству еще похлопотать надо. Все утро у печи стояла.

- Добро, - улыбнулся стражник и напоследок крикнул, - Кишку-то к кузнецу своди! На правую переднюю ногу припадает, поди подкову потеряла!

- Свою! - махнула Озарка, мысленно себя обругав. Со всем с этим княжичем про все забыла. Вчерась хотела же копыта проверить после грязи-то. А как домой вернулась, так запамятовала. Все только о пироге с зайчатинной думала.

За воротами крепости не мешкая свернула на дорожку узкую. Только мельком на крыльцо глянула. Пустое. Не вышел

сегодня старый князь воздухом подышать...

Кишка привычно добрела до кухни и остановилась. Тут уж Озарка не утерпела, нос из возка высунула, чтоб княжича-то увидеть. Но княжича нигде не было. И того, второго, рыжего, тоже не было. Только парень незнакомый, хмурый и длинный, что журавль колодезный, дрова колот чуть в стороне. Как Озарку увидел, не спеша воткнул топор в чурку и к возку направился.

- Здорово, - буркнул, руку протянул, будто Озарки здесь не было, схватил корзинку и потащил. - Скажи Абсею, что тетка Божана сказала, чтоб завтра поболее пирогов с телятиной привез. У князя люди важные будут, угощать надобно. И ватрушек сладких пусть еще положит. Княгиня тоже гостей встречать будет.

- Куда? - ахнула Озарка и корзинку схватила.

Не боись, - так же равнодушно ответил парень, - погоди чуток, щас обратно корзину вынесу. И вчерашнюю тоже. Почто уехала вчерась, корзины не дождалась? \ Говорил он ровно и монотонно, что совершенно не понятно было, спрашивает он али нет.

Но Озару волновали не какие-то там корзины! И она, с отчаянием глядя на парня, выдохнула:

- А где же княжич?!

Парень впервые на Озарку глянул. Да, так, что она в своей зимней душегрее и платочке пуховом, дурой себя почуяла. Аж щеки вспыхнули. А парень фыркнул:

- Ты что ж, дуреха, решила, что раз княжич в крепости, значит непременно сам тебя встречать выйдет? Ты ж, поди, - хохотнул он, - для него вырядилась, да?! Ох, и дура-девка! Где тебя такую Абсей нашел-то?!

- Сам дурак, - только и смогла ответить Озара, от парня отворачиваясь. - Где надо, там и нашел...

И что он смеется? Ну, да, думала. Так вчерась-то сам княжич пришел за печевом. И сам у нее пирог с зайчатиной попросил. Ну, не приснилось же ей такое...

Парень, насмешливо фыркая и то и дело покатываясь от смеха, унес корзинку на кухню. А Озарка осталась ждать как велено было. Не стала бы, но, и правда, завтра уже не в чем будет пироги везти.

От нечего делать, пытаясь обиду свою перебороть, стала оглядываться вокруг. А может надеялась княжича увидеть. Ну, хоть глазком, ну, хоть разочек. Чтоб убедиться, что не привиделось вчерась, не поблажилось...

Хозяйственный двор в княжьем тереме был небольшой. Ну, может чуть больше, чем их с батюшкой. Только поленница, что под навесом пряталась, вдоль всей стены тянулась. Им столько дров на десяток лет хватило бы. Но княжий терем огромный, печи большие, прожорливые, небось на зиму две таких поленницы надобно...

- Держи, - незаметно вернулся парень и сунул обе корзины в возок. И вчерашнюю, и сегодняшнюю. - Не забудь Абсею про пироги и гостей княжьих передать. А то князь недоволен

будет.

- Не забуду, - буркнула. - Чай не дура.

Парень насмешливо фыркнул, а Озарка покраснела снова. Да, чтоб не расплакаться губу прикусила. И так стыдно и обидно, а еще этот дровосек проклятый насмехается. И пирог с зайчатинной жалко. Уж так она старалась, а все зря...

Стегнула вожжами Кишку и, развернувшись, домой поехала, носом шмыгая, да слезы рукавом утирая. Не хотела плакать Озарка, да само как-то получалось.

- Вой, - Рыж прильнул к витражному окну, разглядывая двор через крошеный кусочек прозрачного бесцветного стекла, - глянь, девка вчерашняя приехала. С Серым цапается.

Вой поднял голову, опираясь руками в столешницу, чтобы не свалиться. Комната перед глазами закружила, заплясала в пьяном хороводе. Девуцу он помнил. Хорошенькая.

Попытался встать, но ноги не держали. И он снова плюхнулся на скамью, больно ударившись локтем об стол. Выругался. Да, чтоб этих девок леший побрал! Все беды от них! Притянул к себе кувшин с холодной, только из погреба медовухой, который хитрый Рыж отодвинул подальше. С начала утренней попойки кувшин потяжелел, или руки от медовухи ослабли. И Вой, не удержав его на весу, плеснул ароматным напитком на скобленную поверхность... По опочивальне поплыл легкий, пряный аромат меда с травами.

- Давай, лучше выпьем, друг, - старательно выговаривая слова произнес Вой. Эта короткая речь далась ему с трудом.

- Нет, - отмахнулся Рыж, - ты же знаешь, я от медовухи чешусь.

- Прикажу принести вина. - Вой не отступал. Он уже выпил в одиночку пару кувшинов. Почти залпом. И теперь весь мир качался перед глазами, как качели на празднике Весны.

- Твоему отцу это не понравится, Вой, - покачал головой друг.

А Вой зарычал и с силой швырнул почти полный кувшин в стену. Медовуха плеснула широким языком на бревна сруба и разлетелась мелкими каплями по всей опочивальне. Запах меда и хмеля сразу же стал невыносимо душным. Но Вой будто не заметил.

- Мне плевать, что ему понравится, а что нет, - снова зарычал он. - Я сказал не женюсь на Златославе! И я на ней не женюсь! И вина прикажу принести! - Он кое-как поднялся, шатаясь и покачиваясь добрел до двери и распахнув ее пинком заорал, - вина мне! Живо!

Рыж тяжело вздохнул. Не понятно, чего друг так взъярился. Знал же, что отец женить его хочет. Князь об этом говорил каждый раз, когда встречал сына. Так что ничего неожиданного сегодня не случилось. Ну, а Златослава, дочь соседнего князя, говорят, красива. А если вспомнить, что мать девушки царских кровей, так и вовсе становится понятно, завидная невеста.

Но Вой, услышав, что свадьба будет как только ляжет снег, взбесился. И начал пить. С самого утра.

Глупо. Уже ничего не изменишь. Коли князя стоворились детей поженить, стало быть так оно и будет. Хочешь или нет. А сговор разорвать не просто. Вот если бы Рыжу предложили такую невесту, то он не стал бы нос воротить. Радовался бы. Но кто же предложит? Да, он вырос вместе с княжичем, верным другом ему был, братом. Но все всегда помнили, что никто он в крепости-то. И живет в тереме князем из милости.

Рыж поморщился... От запаха меда тело зудело. Всегда так, сколько себя помнил, с самого детства, в рот не мог взять сладкое лакомство, сразу сыпью покрывался.

- Вой, - позвал он, - давай прогуляемся, а? Пусть приберут здесь, а то медом несет, сил нет терпеть. Сам знаешь, распухну я, если здесь останемся.

И тебя ветерком обдует, освежит. Может в себя придешь. Подумал он, но вслух не сказал.

Вой даже ухом не повел, будто и не услышал просьбы друга. Но, едва держась на ногах, шатаясь и покачиваясь, молча пошел прочь по коридору на выход. Рыж довольно хмыкнул, набросил на плечи легкий, короткий кафтан, прихватил такой же для Воя и рванул из комнаты. Быстрее на воздух, пока он еще терпит и не чешется, как блохастый пес.

Вроде Вой и шел медленно, и сам Рыж нигде не задержался, но догнал приятеля уже на высоком крыльце. Княжич,

перевалившись через перила, блевал, избавляясь от медовухи. Неудивительно. Два кувшина за раз и для такого крепкого парня было многовато. А когда Вой поднялся, так Рыж увидел, что взгляд его посветлел, перестал быть мутным.

Княжич молча взял кафтан. Накинул на плечи и отвернулся... К воротам крепости медленно брела старая лошадь пекаря Абсея, тянувшая за собой возок...

- О, - повеселел Вой. Он уже и забыл, что друг только что говорил ему о том же. Хохотнул, - глянь, Рыж, девка вчерашняя... Хорошая девка, как яблочко наливное, спелое. Стоит только за ветку схватить, так само в руки свалится. Коли жениться время пришло, значит надо напоследок гульнуть по саду яблоневому, деревья потрясти, яблочки посшибать.

- Вой, не надо. Князь рассердится. - Попытался остановить княжича рыжий. Но тот только рукой махнул. Как всегда впрочем.

Дочь пекаря он догнал у самых ворот. Стража уже створки отворила, чтобы выпустить подводу, но Вой самолично подхватил под уздцы старую клячу, что по недомыслию называлась лошадейю, и остановил возок. Заглянул в темноту под пологом. Вчерашняя девица, как котеныш малой из корзинки, смотрела на него, распахнув глазищи. Огромные, на пол лица. Блестящие. И такие же испуганные.

- Что же ты, красавица, уезжаешь уже? А со мной повидаваться? - оскалился Вой. Медовый хмель все еще туманил

голову, заставляя забыть наставления отца.

Не гуляй в Вартаре. Не плоды байстрюков на своей земле.

Не срами княжеский род перед горожанами.

Не ославь себя пред своими людьми. Тебе с ними потом еще всю жизнь жить и ими же править.

Все потонуло в пьяном мореке, сгнуло без следа. Только одна обида и осталась. Коль князь сына слушать не желает, так и сын отцовы заветы чтить не обязан.

- Княжич?! - ахнула девка, вспыхивая искренней радостью. - Не поблажился!

И тут же смутилась, вскинула руку, прячась за рукавом... А мочка маленького ушка, едва выглядывающая из-под платка, порозовела.

Уж как Вой смог разглядеть это в полумраке возка, неизвестно. Но увиденное плеснуло по жилам кипятком, заставляя сердце биться в груди, как взволненная птица. Он тихо рыкнул. Рука дернулась.

Схватить.

Выволочь девку, прижать горячее тело и впиться поцелуем в пухлые розовые губы, растянутые в счастливой улыбке.

Еле сдержался.

Все Рыж... Подошел со спины и задышал, напоминая о себе. Потом ведь плешь проест, нудя о приличиях.

И о стражнике, дядьке Добромире, который, хмуря недовольно брови, наблюдал за ними, стоя у ворот. К старому воюке, который приходился родственником пекарю, сам князь

с уважением относился. И от сына того же требовал. Верный воин, как верный пес, многое простить может, но не прилюдно нанесенное оскорбление.

О князе, который непременно узнает, что сын при всех тискал вартаровскую девку. И будет недоволен.

Если бы не медовуха... И не желание сделать супротив воли отца... Отступился бы. Но не сейчас. Сейчас кровь княжья, строптивая и буйная, требовала настоять на своем.

Вой сделал шаг вперед, но пошатнулся, впуская из-за спины, пробившийся сквозь серые тучи лучик полдневного солнца и отразившийся в сверкающих глазах Озары. И вдруг понял:

- Плакала?! Кто посмел обиду учинить?! - Сейчас он и вправду готов был биться за нее со всем миром. Непокорная ярость, бурлившая в жилах, нашла выход. Кто посмел обидеть ЕГО девку?!

И она будто почуяла его искреннее желание защитить... Осторожно опустила рукав, открывая сияющие радостью заплаканные глаза. Взмахнула ресницами, последнюю слезинку хрустальную роняя, и улыбнулась виновато:

- Никто. - И добавила, потупив взор и снова завлекательно розовея щечками, - я пирог с зайчиной привезла, как вы просили. А он забрал... А я сама пекла... Для вас, княжич... Чтоб вы ни с кем не поделились...

Добавила после запинки и снова, как вчера, зарделась, запуская еще один огненный вихрь в отравленной хмелем кро-

ви. И в штанах стало тесно, и на от стука сердца рубаха подрагивать начала. Ох, и горяча девка! Упустит, дурнем будет.

- Рыж! - рыкнул он, не сводя глаз с девицы. - Слышал?! Найди пирог и забери. Сам съем. Ни с кем не поделюсь... Как и обещал.

Последняя фраза предназначалась не Рыжу, а ей. Раз обещал, значит выполнит. Оборонит. Сбережет. И от врага, и от лютого зверя, и от человека, коль он решит обиду учинить. Ну, и пирог съест один. Сам. Как обещал...

- Вой, - Рыж попытался что-то сказать, но княжич никого не желал слушать. Только рукой махнул и повторил приказ.

- Пирог, говорю, забери. Мое это печево!

И сам при этом от девицы глаз не отвел. А все потому, что после его слов счастливая улыбка вспыхнула на губах прелестницы, делая ее еще краше. Захотелось коснуться губ. Увидеть, как глаза девичьи поволокой подернутся. Туманом страсти любовной наполнятся. И самому в их сладком омуте утонуть с головой.

Рыж недовольно поджал губы и, покачав головой, ушел, оставляя их одних. Волю княжича исполнять надобно. Хочешь - не хочешь, все одно.

- Сама, значит, пирог для меня испекла? - улыбнулся Вой девице.

- Сама, - отозвалась девица шепотом. И опустила взор, смущаясь от своего признания.

- А на завтра испечешь? - княжич не хотел заканчивать

разговор и уходить, но дядька Добромир уже шел к ним, оставив ворота. Забеспокоился, видать, о племяннице, когда увидел, что Рыжа рядом нет. Побоялся девку наедине с парнем оставить без пригляда.

- Испеку, - выдохнула Озара, не поднимая взгляд. - С зайчатиной?

- С зайчатиной, - кивнул Вой, отпуская лошадь и отступая на шаг. И быстро прошептал, - я буду ждать.

А все потому, что стражник подошел уже слишком близко. Ему, конечно, можно приказать отойти и не мешать. И он даже послушается. Да, только дядька Добромир не его, княжича человек, а отцовский. Значит молчать не будет. Пожалуются князю...

Вой кивнул девке на прощанье, хлопнул клячу по крупу, отправляя повозку к воротам, и быстрым шагом догнал Рыжа...

- Что княжич хотел? - Дядька Добромир, хмуря лоб, заглянул в возок.

- Пирог заказать. С зайчатиной, - отозвалась Озара, не поднимая взгляда на сродственника. А вдруг тот взглянет в ее счастливые глаза и догадается, что совсем не о пироге они речь вели, хотя как будто бы только о нем и говорили.

Аж сердце от страха зашлось. Вдруг дядька расскажет все батюшке, и тот больше никогда ее в княжью крепость не отпустит? А увидеть княжича ей уж снова хочется. Мало повидались. Не нагладелась...

Хороший он. Ласковый.

- Смотри, Озарка, - дядька качнул седой головой, - коли княжич забижать будет, не молчи. И на него управу найдем. Сам к князю пойду с челобитной. Не зря же я двадцать лет ему, как пес, верой и правдой служу. Не позволю племянницу свою единственную на позор обречь.

- Хорошо, дядька Добромир, скажу. Да только не было ничего. - И соврала для верности. - Я и не знала, что княжич то. Думала, тетка Божана с кухни кого отправила, чтоб пирогов испросить.

- Лады... Поезжай. - кивнул он и отступил. Поверил.

Глава 5

Абсей, как дочка уехала, встать захотел. Дел много...

Печи в пекарне дрова жрут, что свинья помои. Только успевай золу выгребать. Поленицу, что по лету заготовили уж почти закончили, и Абсей еще на прошлой седмице два возка березы закупил. Бревна-то они с Озарой распилить успели, пока поясница не отнялась. И под навесом сложили, чтоб дождь не замочил. Теперича наколоть надобно.

Не на дочку же такую тяжелую работу сваливать. Она-то конечно, колун в руках держала. И на одну истопку, коль приспичит, нарубит. А все одно, не женская это работа. Тяжелая.

А еще печи прибрать надо, золу вымести, трубу почистить. Еще вчерась заметил Абсей, что из пекарни дымком потянуло. Опасное это дело. Ежели так оставить, не ровен час угореть можно. Озарка-то конечно, с этими делами сама справится. Умеет. А все одно не для женских рук эта работа. Грязная слишком. От сажи потом не отмоешься.

Только спина сызнава подвела. С лавки-то то он кое-как сполз. И, за стеночку держась, через боль нестерпимую поднялся. Только стоило в сторону шаг сделать, как подломились колени. Не удержался Абсей на ногах, и со всего маху рухнул на пол, да еще об угол стола головой ударился. Со-мле-л даже.

Очнулся уже на полу. Кровища кругом, будто не кожу маленько со лба содрал, а посреди горницы курицу зарубил, чтоб волшеббу темную творить. Хотел было встать, да прибраться, чтоб Озарка ни об чем не узнала, да не смог. Ноги-то вовсе не слушались. И не ощущались даже. Вроде и нет их вовсе.

А к тому, что пониже спины, бревна тяжелые да неповоротливые привязаны намертво. Либо камня огромные. Не то что подняться, развернуться не вышло. Так и пролежал, лицом вниз чуть не плача от бессилия, пока дочка из крепости не вернулась.

Как увидела Абсея, так и кинулась к нему:

- Батюшка!

Перевернуть-то перевернула, а до лавки дотащить силенок не хватило. Пришлось снова на помощь соседей звать. Мужики Абсея подняли, на лавку перенесли, получили по пирогу в благодарность, да ушли. И вот тогда Озарка-то батюшке все высказала, пока лицо от крови отмывала.

Мол, я весь день, как белка в колесе кручусь на хозяйстве. И в горнице прибраться надобно, и есть сготовить, и пироги спечти да в лавке сторговать. Так теперь еще за батюшкой следить, чтоб дурью не маялся?!

Так и сказала. И еще, главное, бровки свела, да так строго на него взглянула, что Абсей себя дитем неразумным почувял, который у мамки под ногами мотыляется, мешает дела делать.

- Прости, дочка, - повинился Абсей с тяжким вздохом. - Не хотел я тебе помеху чинить. Думал, сможу все заботы на себя взять, чтоб тебе не пришлось одной лямку тянуть. Негоже, чтоб девка молодая и в пекарне робила, и в дому хозяйничала...

- Кому негоже, тот пусть и не смотрит, - не сдалась Озара. Только насупилась сильнее, вроде сердится. - А знахарка Олеся еще в прошлый раз тебе лежать велела, когда спину прихватит. Вот и лежи. Не вставай.

Матушкина кровь. Матренушка-покойница, жена любимая, тоже бывало в пылу ссоры какой смотрела на него исподлобья. Злилась будто. Да, только знал Абей, что понарошку это. Не по настоящему.

- Ну, дак, Озарушка, - вздохнул Абсей. - мочи нет на лавке лежать-то. Не привык я к безделью праздному. Да и печи чистить надобно. И дрова наколоть, в поленницу сложить, чтоб не спрпали. Ты одна-то с этим не справишься...

- Справлюсь, - уперлась дочка. - А коли не справлюсь, найду кого на помощь позвать. Дядька Добромир вечером обещался заглянуть. Его спрошу дрова наколоть.

- Будь по-твоему, - сдался Абсей. Тяжело вздохнул, немочь свою проклиная. И сам он мучается на белом свете, и дочку мучает почем зря. Ох, и не вовремя царь указ свой издал. ох, и не вовремя...

Добромир пришел к брату, когда совсем стемнело. Оза-

ра как раз к вечеру стол собрала. Похлебку на костях заячьих сготовила. Хотела жаркое, да все мясо на пирог княжичу оставила. Завтра же опять печти надобно. Не бежать же опять к Тишке за зайцем.

- Садись за стол, дядька, - кивнула сродственнику. - Я сейчас батюшку накормлю, а потом мы с тобой повечеряем...

- Да, что я сам поить не могу?! - возмутился батюшка. И с лавки глазами сверкнул недовольно. - Чай не дитя малое, чтоб ты меня с ложки кормила. Сам справлюсь. Руки-то у меня шевелятся исчо.

- Дак, неудобно ж самому... лежа-то, - улыбнулась Озара, с миской похлебки рядом с батюшкой на край лавки присаживаясь. - И не дитя ты, а вовсе даже наоборот. Просто немочь тебя скрутила... И возраст уже немалый. Сам знаешь, негоже детям родителей на старости лет без ухода оставлять. Так что терпи теперь.

Запыхтел недовольно батюшка, но возразить ему нечего было. Замолчал. Только на брата своего взгляд бросил. Станный такой. Тяжелый. Будто дубиною огрел. Но промолчал. И рот послушно открыл, когда Озара первую ложку поднесла.

Кормила она батюшку и не заметила, как за столом хмурый дядька Добромир зубы сжал так что желваки заходили. И кулаки в стол упер, того гляди доски дубовые проломит. Дюже злился на кого-то. Или на что-то...

Накормила Озара батюшку, мису ополоснула. И только

когда к столу вернулась заметила, что дядька Добромир не в духе. Отворачивается, в стену смотрит. И пыхтит. Точь-в-точь, как отец, когда гневается.

- Ты, чего, дядька? - удивилась Озара. - случилось что?

Спросила, а сам поняла: да, что случиться-то могло? Вот только пришел дядька Добромир. И веселый был. Посмеялся, над братцем, когда Озара рассказывала, как батюшка решил по хозяйству помочь. А тут переменился. Брови густые и кустистые хмурит. Того гляди посередь лба сойдутся.

- Ничего не случилось, дочка! - ответил батюшка торопливо. - Это он с устатку... Плесни-ка братцу меда хмельного чарочку. Пусть отведаст, душу успокоит...

Не чарочку пришлось плеснуть, а почти пол кринки, пока морщины на лбу дядьки Добромира разгладились. Подобрел взгляд, кулаки разжались. Расслабился дядька, к печи спиной прислонился, улыбаться начал... И злость, и ярость испарились, как не бывало.

А Озара времени не теряла. Как повечеряли, посуду собрала, в лохань скинула. Воды нагрела. И в дальнем углу устроилась, чтоб батюшке с дядькой не мешать беседу вести. Ну, и интерес у ней имелся, конечно. Дядька Добромир всегда новостями из княжьей крепости делится. Озаре и раньше любопытно было, как жизнь княжеская устроена, а сейчас и подавно. В вдруг дядька что про княжича расскажет?

Поначалу болтали братьовья о скучном.

О податях... Князь вроде как собрался долю свою поднимать. Казна, говорит, пуста не на что дружину вооружать. И для ратников оружие приготовить надобно.

Об урожае пшеницы и прочего... Этот год хороший выдался. Закрома у всех полные, а значит цена на хлеб падать будет. Надо бы амбары под завязку забить, пока возможность есть. Мука-то в пекарне завсегда пригодится.

О том, что купцы из приграничья все чаще вести недобрые везут. Будто трещит по швам граница Хорумского царства. Того гляди вступит враг на земли наши и новая война начнется.

- Потому и решил князь немедля сына женить, - вздохнул дядька пустую кринку отодвигая. За разговором-то и не заметил, как до доньшка выхлебал мед пьяный.

Озарка, такое услышав, чуть чугунок из рук не выронила. Она его уж добрых полсвечи терла. И не зря. Дождалась-таки нужных вестей.

- Да, ты что?!- ахнул батюшка. - И кто невеста-то?

Озара аж дышать перестала. Вдруг пропустит что?

- Дык... - вздохнул дядька. - Князь, поди, хочет для сына невесту породовитее. Поговаривают портреты собрал вышитые, аж трех девиц из соседних княжеств. Разложит из вечером на столе и сидит думу думает... Да, только зряшно все...

- А чего так-то? Не по нраву невесты что ль? - удивленно переспросил батюшка.

А у Озары сердечко застучало. У нее ни портрета нет, да

и отец всего лишь пекарь простой, а не князь. А в невесты к княжичу хочется...

Как подумала, так чугунок и выронила. Плеснула на подол водой грязной из ушата. В другой раз расстроилась бы, а сейчас словно и не заметила. Неужто и в самом деле ей в невесты хочется? Прислушалась к себе. И покраснела... Хорошо, что в ее углу темно, а то батюшка точно заметил бы, как смутилась Озара от придумок своих.

Хочется...

Очень хочется...

Позвал бы, не капельки не думала бы. Пошла. Да, только не позовет. Где княжич, а где она, Озара, дочь пекаря. Хотя за Воя она пошла бы, будь он хоть работником на кухне, как дядьке Добромиру соврала. Или портным, как Тишка...

Меж тем разговор продолжался.

- Князю-то может и по нраву, - усмехнулся дядька Добромир. - Да только жениться-то не ему. А княжич весь в батьку. Ты ж помнишь, как сам князь невесту себе выбирал?

- Да, откуда, - махнул рукой Абсей, - я тогда малой совсем был. Под стол пешком ходил. Помню только то, что ты и рассказывал. Мол, в походе военном встретил князь наш девицу-красавицу. Да так она ему по сердцу пришлась, что при-тащил с собой в княжество. И отца своо огорошил. Мол, женился я, батюшка любимый, на девице кровей ханойских...

- Вот-вот, - кивнул дядька Добромир. - А я в том походе вместе с князем был. Ну, тогдась он еще княжичем звался.

Все сам видел. Ханойцы тогда нас с востока потеснить хотели. Да, мы им отпор дали, пару деревень разорили, чтоб не повадно было по нашей земле топтаться. Баб ихних перепортили не счесть. А княжич, как увидел девку эту, так онемел. С лица спал. И больше ни на одну ханойскую красотку не взглянул. Так и ходил вокруг своей прелестницы. Обихаживал. А как домой в Царство Хорумское вернулись, так в первом же селении оженился, ни мать, ни отца не спросил. Хотя они ему уж невесту подходящих кровей приготовили.

- Думаешь, и княжич тоже против воли отцовской пойдет?
- задумчиво произнес батюшка...

- Да, кто ж знает... Да, только сегодня, князь с княжичем беседу вели. И оба потом дюже недовольны были. Так что, - дядька развел руками, - как женится княжич, так и узнаем. Думаю, к первому снегу все решится... Дюже торопится князь. Видать, и вправду, враг на пороге.

Разговор снова свернул в сторону. Братья снова заговорили о скучных вещах, вроде припасов на случай войны. И Озара отмерла. Щеки горели. Грудь вздымалась. Хотелось, чтоб быстрее утро настало. Пирог с зайчатиной испечь и в крепость поехать. Княжича увидеть. Обещался ведь...

Но пока надобно чугунок дочистить и прокалить в печи. А то сржавеет.

Всю ночь Озарке княжич снился. Вроде пришел к ним в пекарню ранним утречком. Поклонился батюшке и говорит, мол, позволь, Абсей, дочку твою Озару женой назвать. Не хо-

чу, мол, на княжнах жениться, белоручки они все супротив дочки вашей. А мне жена работающая нужна. Чтоб и в тереме прибраться могла. И есть стготовить. И постель постелить...

А Озара из-за печи одним глазком поглядывала на сватовство, да краснела... То ли от стыда, то ли от страха, что батюшка княжичу откажет.

И такой уж сон яркий был, подробный. Не иначе вещий.

Утром Озара кое-как глаза продрала. Если бы батюшка не позвал, так и не проснулась бы вовсе. До кадки с водой, что в сенях холодных стояла, еле доползла, жмурясь и позевывая. Умыться хотела, сон разогнать. Руки сунула, не глядя...

Звонко хрупнул тонкий, но крепкий лед, раскалываясь от толчка. Острые грани слегка царапнули кожу, и ледяная вода обожгла царапины нестерпимой болью. Озарка проснулась, глазами захлопала. И не сразу поняла, что ночью первый хороший морозец приключился. Заковал водицу в плен ледяной, о зиме скорой напоминая. За калиной пора ехать, пока бабы не прочухали и всю ягоду не обобрали на делянке заветной. Она-то хоть и в тайном месте, да только разве же это остановит баб Вартаровских до рубиново-красных ягод первым морозцем прокаленных жутко охочих? Вот то-то и оно... Коль найдут, так оберут все. Ни шиша не оставят.

Сбор калины дело небыстрое. Для печева зимнего ягоды много надо. Раньше-то Озара по первому морозцу с самого утра в леса ехала, пока батюшка у печи управлялся, да в лав-

ке торговал, что первой к делянке заветной поспеть. И весь день по лесам шастала, пока все кузовки не наполнит. А потом до полночи перебирала: что на сушку, что на начинку для пирогов, что на мочение. И капустки с калиной непременно заквасить. И красиво, и вкусно. И свеженькое поесть, и в щи али пироги положить.

Да, только сейчас батюшка обезножел. Значит придется самой расстараться и все успеть.

- Батюшка, - влетела Озарка в избу, - я сегодня после крепости княжьей по калину пойду. Не жди меня скоро...

- Неужто пора? - Абсей подняться хотел, да Озара его остановила, силой к давке прижала.

- Пора, - кивнула. - Я все продумала, батюшка. Сегодня сама по делянкам пробежусь, посмотрю какая ягода, сколько ее. А на завтра девкам соседским наказ дам. Заплачу денежку малую за кузовок, так они нам столь ягоды принесут, что до следующего урожая хватит.

Кивнул Абсей. Хорошая задумка. Правильная. Аж возгордился маленько, что дочку такой разумницей взрастил. Сам-то поди до такого не додумался бы...

А Озара батюшку завтраком накормила, да по делам отправилась. И так-то в пекарне с утра работы много, а сейчас так и вовсе недосуг отвлекаться. И хлеба напечти надо, и пирогов... Еще от князя вчерась заказ был, угодить надобно. И, самое главное, княжичу пирог с зайчатиной...

Пирог еще лучше вчерашнего получился. Озара, краснея

от думок своих, украсила печево парой голубок с черемуховыми глазками и веточкой березы, начерненной угольком из печи. Коль княжич не дурак, так догадается, что за тайное послание она написала. А чтоб кто чужой не прочел, завернула пирог с зайчатинной в холстину и в отдельную корзинку убрала. Сама княжичу отдаст. Лично в руки.

К обеду все пироги были готовы. Сторговалась по-быстрому, Кишку запрягла, кузовки в возок сложила и быстрее в крепость помчалась. Припозднилась чуть. Коль лавку сегодня уж не открывать, так хотелось все без остатка распродать.

До крепости Озарка доехала быстро. Дядька Добромир, увидев племянницу, только кивнул, да молча в крепость пропустил. У дровяной кучи ее уже подждал парнишка вчерашний. Дровосек. С ноги на ногу переминался от нетерпения. Как увидел, что Озара у ворот появилась, так сам навстречу рванул.

- Почто так долго? - зашипел возмущенно, выхватывая корзинку из рук Озары. - князь уже подавать велел! Скажи Абсею, коль еще такая задержка будет, так тетка Божана откажется у вас печево скуплять. Сама печти грозитя. Усекла?!

- Усекла, - кивнула Озара.

А у самой душа в пятки ушла, как представила, что не нужно больше пироги в княжескую крепость возить. И не потому, что княжича не увидит, а потому, что один княжий

двор деньгу платил такую же, как весь остальной город. Коль потеряет Абсеева пекарня право с князем торговать, худо будет.

Сблелнула, видать, от страха, раз парнишка, довольно хохотнув, добавил:

- Не опаздывай, девка. И ничо не станется. Очень уж князю ваше печево по вкусу. А вчерась и княжич на кухню сам заявился, пирог с зайчатиной потребовал. Абсей, как знал, как раз такой и положил, хотя не заказывали... Только потому тетка Божана глязья на сегодняшнее закрыла. Обещалась князю ничего не говорить. Но больше не опаздывай. Добро?

- Добро, - кивнула Озара, чувствуя, как улыбка сама на губах расплывается. - Тетке Божане от батюшки моего благодарностей передай. Скажи больше не станем запаздывать...

- Так ты Озарка что ль? - хмыкнул парнишка. И так пристально ее с ног до головы оглядел, что на щеках Озаркиных румянец стыдливый сам вспыхнул. - Говорил дядька Абсей, что дочка у него красавица. Не врал... Ладно, побег я. А то тетка Божана заругает.

И дровосек рванул прочь, оставляя Озару в растерянных чувствах.

Вроде бы и плохо все... Зря она тянула с поездкой-то. Надо было бросить лавку да в крепость ехать.

Вроде бы и хорошо... И тетка Божана благодарна. И княжич не обманул вчерась. Стребовал свой пирог с кухарки. И парнишка этот ее красавицей назвал. А то и правда она так

приглянется княжичу, как его матушка его отцу приглянулась? И женится княжич на ней, на Озаре?

Щеки вспыхнули от жара нутряного... Уж об этом и вовсе думать было страшно. И сладко.

И вдруг опомнилась.

Из возка высунулась. И окликнула парнишку, пока он далече не сбежал:

- Эй! Дровосек! - Тот на миг остановился и голову повернул. - А где княжич-то? Батюшка велел ему пирог передать.

- Так на охоте он! Еще с утра с Рыжем умчался. Давай пирог свой. Я передам.

- Нет, - покачала головой Озарка. - Батюшка велел из рук в руки...

Дровосек пожал плечами, мол, тогда извиняй. И умчался. А Озара, тяжело вздохнув, на солону откинулась... Слезы к глазам подобрались, ресницы смочили и в дыхание влажности добавили... Аж нос захлюпал. Неужто не доведется свидеться?

А потом загадала... Коль сон вещей был, и судьба их с княжичем вместе связала, значит встретятся они сегодня. А коли нет... Значит не судьба...

Глава 6

Рыж с самого утра утянул Воя на охоту. Не время, конечно, зверье гонять. Земля мокрая, вязкая. Того гляди конь споткнется. И сам ноги переломает, прирезать придется. И всадник рискует шею сломать, с коня падая.

Но Воя надо было отвлечь. Он вчерась так и пил до самых звезд. Кое-как Рыж его в постель уложил. Уже ноги княжича не держали, а душа все веселья требовала. И девку... Да не абы какую, а ту самую. Уж как рвался Вой в город, грозился в пекарню наведаться. За пирогом.

Уж сколько раз Рыж пытался через хмельную удаль до разума друга достучаться. Говорил, мол, горожане не поймут, коли княжич начнет девок молодых из родительского дома красть, да в крепость волочь. Тут же князю нажалуются. А отец сына за такое непотребство без воздаяния не оставит. За серьезные проступки и расплачиваться придется по-серьезному. А оно надо?

Но Вой не слушал. Рычал, словно зверь, в капкане спойманный. Уж коль отец хочет, чтоб он женился, то пусть молчит и терпит, пока он с жизнью холостой и свободной прощается. У него может последний шанс девок разных пошупать. А потом придется всю жизнь с одной маяться. И ладно бы она по сердцу была, как матушка самому князю. Так ведь нет! Он Златославу эту даже не видел. Ну, и на кой ляд, ему

эта княжна?

И тогда пришлось Рыжу на хитрость пойти.

Уговорил он княжича. Убедил, что негоже девуку силой принуждать. Лучше подождать до утра, а уж там в город и наведаться. С бусиками какими-нибудь. Подарочек девке сделать. Поулыбаться чуток. Любезности нашептать. Девка сама не прочь будет порадовать княжича. И никого силой принуждать не придется. И князю нечего будет сыну предьявить, коли девка своей волей согласится ложе с княжичем разделить.

Но по-правде говоря, Рыж уверен был, что утром княжич забудет обо всем. Ни про девуку не вспомнит. Ни про их уговор. Он такое уж столько раз проворачивал. Княжич во хмелю даже буйный. А с похмелья — смирный.

Вот и сегодня. Выехали они из крепости с рассветом. Поначалу Вой только порыкивал тихо, с похмелья мучась. Но потом его ветерком свежим обдуло, морозцем утренним проморозило. Воспрял духом княжич. А уж как сокол верный добычу первую принес, так и вовсе повеселел. Разрумянился, согрелся. Кафтан распахнул, на зипуне завязки до груди распустил. А что? В лесу нет никого. Не перед куропатками же фасон держать.

- Все, Рыж, хорош на сегодня, - Вой бросил в суму последнюю куропатку. И надел на голову сокола колпачок, чтобы успокоить птицу. - Я уж полный ягдаш набил.

- Возьми мой, - отозвался Рыж. Он ежился от холодного

ветра, кутался в короткий кафтан из толстой шерсти и жалел, что не поддел под низ войлочный, зимний зипун.

Это Воя от охотничьего азарта распирало, а Рыж охоту не любил, потому и мерз нещадно. Его сокол так и просидел на плече все утро, крутя башкой и оглядывая окрестности круглыми желтыми глазами. Он знал, хозяин все равно не оставит его голодным, и не видел смысла напрягать крылья. Сокольничьи каждый раз ругали Рыжа за то, что тот портит птицу, но ему было все равно.

- Не, - мотнул головой Вой. И улыбнувшись хитро, заявил, - возвращаться надо, Рыж. Девке бусы дарить.

- Какой девке? - побледнел Рыж. Неужто не забыл княжич его посулы?

- Так дочке пекаря, - фыркнул Вой. Очень уж выражение лица у приятеля стало забавным. - Сам же вчера уговаривал меня не рубить сплеча, а завлечь девку бусами. Она как раз сейчас в крепость приедет, пироги привезет. И не придется в город за ней мотаться. А то представляешь как будет выглядеть, когда мы с тобой к Абсею завалимся с бусами? Меня горожане батогами погонят.

- Вой, не надо... - попытался остановить княжича Рыж.

Он уже знал, чувствовал, что все бесполезно. Но не мог просто согласиться. Потому что чуял что-то...

Девицу, конечно, жаль. Хорошенькая она. Глазищах синие и губы алые, глазам приятно смотреть. И сердце радуется на красоту такую гляючи. И там, в глубине синих омутов

душа яркая, чистая и невинная. Ни мысли недобрые воду не мутят. Ни желания запретные. Даже, когда она на Воя смотрит, ничто не колыхнется, ни пылинки не со дна поднимет, водица как слеза прозрачная.

Вот только, если бы пришлось самому Рыжу у такого ому-та дух перевести в путешествии дальнем и трудном, ни за что не подошел бы он к воде. Ни попить, ни умыться. Слишком уж дно у этих омутов этих глубокое... Топкое... Обманчивое. Опасно туда лезть, утонуть можно. Ступишь раз и уж не выберешься. Потому и жалел княжича.

Но Вой его будто и не слышал. Только оскалился в улыбке. Рыж обреченно застонал. И попробовал снова:

- Вой, остановись. Негодно это. Кому потом девка нужна будет порченная? А сам ты на ней не женишься.

- А вот возьму и женюсь, - засмеялся княжич. - А что? Отцу можно в жены простую девку взять, а мне нет?

- А тебе нет, Вой, - качнул головой Рыж. - Сам знаешь... Только думать об этом не хочешь.

- Не хочу, - хорошее настроение княжича испарилось в тот же миг, будто его и не было. Злость всколыхнулась. Боль застарелая. - И не буду! А девка...

Он не договорил. Кивнул хмуро:

- Давай еще поохотимся.

Рыж ничего не ответил. Молча протянул Вою пустой ягдаш...

Но охота уже не заладилась. И сколько бы соколы не ле-

тали, ни одной куропатки не нашли. Будто повымерли все...

- Домой ехать надо, - первым об том заговорил Вой. - Сам видишь...

Рыж ничего не сказал, только кивнул. По его прикидкам, девица уже должна уехать в город. Но в тот самый миг, когда они выехали на дорогу, Рыж увидел, как ворота крепости распахнулись и знакомый возок старого Абсея выехал им навстречу.

- Значит судьба, - расплылся в довольной улыбке княжич и пришпорил коня.

Кишка медленно брела по крепостному двору. Озара даже вожжи в руки не взяла, так и лежала, бездумно глядя в выцветший полотняный полог. На душе кошки скреблись. И княжича не увидела, и чуть с княжьим двором не рассорилась. Как уж батюшке бы об таком сказала бы?

Даже дядька Добромир, заглянув в возок, с тяжелым вздохом покачал головой. И осуждающе посмотрел. Мол, что с тебя, с бабы глупой взять-то. Чуть по недомыслию не угробила то, что батюшка всю жизнь по кирпичику строил.

Как из крепости выехала, ворота крепостные с грохотом закрылись. И даже в лязге железа слышалось, будто кто-то укоряет ее за нерадивость. Опустила голову Озара. Носом шмыгнула. Коли не смолчал бы дядька, так и разревелась бы.

А уж как обидно-то, что княжича не увидела! Пирог-то вот он. Лежит в корзинке. Остыл уже совсем. На холоде...

Снаружи послышался топот. Кто-то догонял возок. Но Озара даже не шевельнулась. Слишком расстроена чтобы испугаться. А радоваться и вовсе нечему. Чай, гонец княжий не к ней едет. Не того полета она птичка-то. Даже если бы тетка Божана все ж решила разорвать договор с пекарней Абсея, не стала бы гонца слать. Просто получила бы Озарка от ворот поворот, когда с печевом заявила бы.

- Что грустишь, красавица? - гонец догнал возок...

Озарка не сразу поверила своим ушам. Глазищи распахнула...

- Княжич? - ахнула. И внутри будто колольцы зазвенели. Загадала ведь. И вспыхнули щеки, как огнем опаленные. Глазам жарко стало. Неужто правду она себе напрочила?

- Я, - улыбнулся Вой, держа под уздцы недовольную Кишку. Успел уже спешиться и возок Озаркин остановить. Прямо посередь дороги. - А ты кого-то другого ждала?!

- Нет, - Озара смущенно пустила глаза и пролепетала, теребя пальцами подол. - Не ждала. Никого.

Вот ведь бестолочь! И тут чуть сама своими руками все не испортила. А вдруг княжич, и вправду решит, что она кого другого ждала? Или никого не ждала? Ох, уж правду говорил батюшка, женский ум короток, а язык, что помело.

- Меня, значит, не ждала? - фыркнул Вой.

И, стремительно запрыгнул на возок, загораживая серое, хмурое небо и лошадиный круп. От неожиданности Озара аж дышать перестала.

- Ты же не против, если я с тобой поеду? - улыбнулся княжич.

А у нее от волнения все нутро пересохло. И голос пропал. Хотела сказать, да изо рта только тихий сип вырвался. Очень уж маленький возок. И княжич вот он. Потяни руку, дотронешься. И полог еще этот... Как будто бы они совсем одни... Спрятались от глаз людских.

И так срамно стало. И сладко. Одновременно. Захотелось от пристального взгляда княжича спрятаться, в уголок какой забиться и прикрыться хоть чем-нибудь. И одновременно самой хотелось на него так же смотреть. Бесстыже...

Да, только не смела Озара глаза поднять. Так и сидела молча, глаза долу опустив, и дар речи потеряв от смущения, от которого щеки тлели, как угольки в печи.

- Красивая ты, - княжич снова улыбнулся. - Пойдешь, Озара, гулять со мной?

- Гулять? - выдохнула испуганно...

- Я тебя на коне своем покатаю... Перед собой посажу, и крепко держать буду, чтоб не упала... Мой Буран быстрый, тебе понравится...

Княжич протянул руку и осторожно коснулся кончиками пальцев ее руки, вцепившейся в подол мертвой хваткой. Провел ласково. И мгновенно согрелась замерзшая ладошка. Вспыхнула кровь, близостью княжича опаленная. Одернула Озара руку... испугалась.

- Не бойся, я тебя не обижу...

Озара мотнула головой. Хотела сказать, что не боится. Что княжич не тот человек, который врать будет. Он же из благородных. А не босяк какой-нибудь. Но не смогла. Вместо этого про пирог вспомнила:

- Я пирог испекла. С зайчатиной...

Толкнула вперед корзиночку... И только когда Вой откинул холстину, пирог укрывавшую, вспомнила, что сама оставила ему послание особое на пироге.

Ох, и стыдобушка! Как о таком запомнить-то можно было?! Стыд плеснул волной, заставляя ее опустить голову еще ниже. Чтоб только не видеть, что княжич сделает, когда все поймет. Она и уши заткнула бы. Да ни рукой ни ногой пошевелить не могла. И дышала-то через раз.

- Красивый, - в голосе княжича не было ни капли презрения, как боялась Озара. Напротив, он будто смягчился. Пропала нарочитая напористость и наглость, с которой Вой разговор начал. - Сама пекла? Али отца попросила?

- Сама, - выдохнула Озара, не смея поднять глаза. - Батюшка болен сильно. Не встает уже. Я давно сама возле печей кручусь, чтоб пироги спечти да княжий заказ исполнить.

Сказала и язык испуганно прикусила. Да, кто же о таком с парнями-то говорит? Особливо с теми, кто нравится? А то решит, что она, Озарка, вовсе не справная девка. Ослушница, которая против природы женской идет, да с мужиками спорить горазда. Коль не на словах, так на деле... Негоже это, чтоб девка у печей стояла, да в лавке торговлю вела. Муж-

ские это дела. Не женские.

Но княжич смог ее удивить еще раз. Ее стал ни браниться. Ни морду кривить. Улыбнулся сызнова, зубы белые показывая, и похвалил:

- Хозяюшка... Так что, Озара, хочешь я тебя на коне своем прокачу? Придешь ко мне?

- Приду, - выдохнула она и мысленно ахнула от собственной смелости.

Это ж не Тишка, с которым она всю жизнь рядом росла и с которым не страшно было бы и на брачное ложе взойти. Это ж княжич... Красивый. Храбрый... вон как запрыгнул в ее возок. Не испугался... А вдруг увидел бы кто? Озара похолодела...

- Тогда жду тебя завтра, у оврага дальнего, - заговорщицки прошептал княжич, - как солнце в зените будет. А Абсею скажи, что к подружке какой пойдешь...

- Скажу, что за калиной поеду, - прошептала Озара. - Так-то оно вернее будет.

- За калиной даже лучше, - рассмеялся княжич. - Значит жду тебя завтра, красавица...

Он ловко спрыгнул с возка и исчез, как ни бывало, оставляя ее одну. Если бы не примятое сено и исчезнувшая корзинка с печевом, сама себе не поверила бы, что все не прикидилось, а было на самом деле.

Озара плыла в тумане. В ушах гудело, голова стала тяже-

лой, как мешок муки, а сердце растерянно бухало в груди, не понимая, что это было. Неужто княжич на самом деле позвал ее погулять по лесу, да на Буране обещался покатать? А она согласилась?

Если бы не указ царский, не засиделась бы Озара в девках. Давно бы взамуж пошла. Так что о том, что между женщиной и женщиной происходит доподлинно знала. И что просто так никто девку в лес гулять не зовет.

Это девкам сладко вздыхать на луну и звезды глядячи, а на парней такое тоску и скуку нагоняет. Это девки цветочек от любимого на каменя драгоценные не променяют, а парни всегда самую дорогую плату берут. Это девкам для счастья надобно рука об руку на людях пройтись, а парням то нужно, что только темной ночью ему одному показать и можно.

Не зря же говорят, что у женщин душа легкая, что пушинка, дунь только и вспорхнет в небеса, от радости замирая. А у мужчин душа другая совсем: тяжелая, что железная. Крепкая. Дуй не дуй, с места не сдвинется. А чтоб в полет отправить, надо все силы на то отдать, всю себя без остатка.

Оттого и мучилась Озара...

Оно, вроде и разумно, забыть про свидание с княжичем. И не пойти вовсе. Да, только перышко-то, в небеса взлетевшее не так-то просто на землю вернуть, чуть рукой взмахнешь, так оно снова ввысь взмывает.

Не зря ж загаданное сбылось! А вдруг судьба ее ведет? Вдруг не пойдет, а потом всю жизнь будет с Тишкой маяться,

в подушку плакать от жалости к себе? Нет горше доли, чем одного любить, а за другого замуж выходить.

Коль не пойдет, всю жизнь жалеть будет.

А коли пойдет...

Так и от стыда помереть можно. И перед собой стыдно, и перед княжичем. Озара-то девка приличная, не гулящая какая... Ворочается-то совесть в груди, колет сердечко иголками острыми. Негоже это с парнем в лесу гулять наедине, и еще больше негоже на коне с ним скакать... На такое и после свадьбы не каждая решится. Ибо слишком тесно в одном седле вдвоем сидеть. Неприлично такое...

А уж ежели подумать, что не про того коня княжич говорил, так и вовсе дышать от срама тяжело. И с нареченным до свадьбы ложе делить не годно. А уж до сватовства и вовсе позорище несмываемое.

Но как же хочется с княжичем увидеться! И все разумные доводы как пыль рассыпаются. Ну, не зря же дядько Добромир так вовремя заговорил про то, что князь сам себе невесту выбрал! Не просто так у батюшки спину прихватило, Озарка впервые сама в крепость поехала и Воя встретила. И загаданное же сбылось? Сбылось. Так может судьба то Озару ведет?

Так и не решила она ничего до самого дома... И пока Кишку распрягала, обтирала после дороги, сеном кормила, никак думки свои из головы выбросить не могла. Идти завтра к оврагу или не идти?

- Много ли ягодыросло, Озарушка? - батюшка встретил ее вопросом. Он так и лежал на лавке и только голову приподнять смог.

Озарка вздрогнула. Растерянно взглянула на батюшку. Про калину-то она и не помнила! Вот голова дырявая.

- Забыла? - догадался батюшка. Озрка смущенно кивнула. Думала, батюшка сердиться будет. Да, он только посмеялся. - Ох, девка, об чем ты только думала? Небось о женихе грезила?

Шутливый батюшкин вопрос попал, что называется, не в бровь, а в глаз. Озара вспыхнула от смущения и опустила голову.

- Нет, батюшка...

- Ну, будет. Не расстраивайся ты так. Вы, девки, всегда о женихах думаете, потому и рассеянные такие. - Он смотрел на нее с лукавой усмешкой. Как будто бы догадывался, какие мысли бродят в ее голове. - Но ты уж завтра не забудь... Рядом бабы, поди, все уж обобрали. Так что к дальнему оврагу съезди. До тудова, небось, пока не добрались.

- Хорошо, батюшка, съезжу, - кивнула Озара. - Непременно.

Вот и принято трудное решение. Поедет она. А там будь, что будет.

Глава 7

Поедет она. Один разочек. Не похож княжич на того, кто девку обидеть может без спроса, а коль спросит, так Озарка знает, что ему ответить надобно. Пусть сначала сватов шлет, а вот как сговорятся князь с батюшкой, так позволит она княжичу поцеловать ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.